

Осенью он простудился и слёг. Родители с сёстрами уехали в Германию. Из окна комнаты в Лебяжьем переулке виден Кремль. Вот он несёт полную лопату алых углей из голландской печи в другую печь. Сидит перед огнём в глухом, под горло, уральском свитере, мешая уголья и думая о своей книге. Самовар кипит на столе.

*На свете нет тоски такой,
Которой снег бы не вылечивал.*

Снег становится посланником неба, и небо оказывается в лужах после дождя, как на пейзажах Фёдора Васильева:

*На улице давка, толпится листва,
И палое небо с дорог не подобрано...*

В начале 1920-х Пастернак ничего не писал — надо было выживать. «Пастернак — такое растение...» Но он неотступно думает о книге — той самой, о которой он говорил Серёже Дурьлину, когда они сидели на подоконнике дома на Мясницкой, и Марине Цветаевой, когда они оказались рядом за столом в доме на Поварской. Он бродил по Москве с Николаем Вильмонтом и говорил о книге, которая может изменить мир. Вильмонт заметил, что Пастернака знают мальчишки во дворе. «Ещё бы они меня не знали... Но я ещё не написал такой книги, которая касалась бы всех».

Он влюбился в Марину Цветаеву — близорукую зеленоглазую женщину. Он прочёл «Знаю, умру на заре! На которой из двух...», бросился писать ей письмо в Берлин. А ведь сидел рядом с ней, и дома у неё бывал, и за руку держал, ничего не понимал!

Он пьянел от этого имени — Марина: «Марина, золотой мой друг, изумительное, сверхъестественное, родное предназначенье, утренняя дымящаяся моя душа, Марина... О письмо, письмо, добалтывайся, сейчас тебя отправят...»

А дальше — совершенно шагаловский сюжет: «Что же я делаю, где ты меня увидишь висящим в воздухе вверх ногами?» Ещё дальше — чистая поэзия: «Я четвёртый вечер сую в пальто кусок мглисто-слякотной, дымно-гуманной ночной Праги с мостом то вдали, то вдруг с тобой...»

Он влюблён, и снова весь мир окрашен любовью. Марина в поэме «С моря» погружалась в своё детство — отец, музеей, уральский камень для музея, и всё это впадало в пастернаковский Урал, в его Иваку, в его камни: «Обнимаю твою голову — мне кажется, что она такая большая — потому, что в ней — что я обнимаю целую гору — Урал». (Отдельная тема — почтовый роман Марина — Борис — Рильке, наверное, единственный в нашей литературной жизни.)

К годовщине революции 1905 года Борис написал поэму и другую — «Лейтенант Шмидт» — позже, к десятилетию Октября. «Как писать стихи, чтобы себя не обижать, себя не терять и в то же время быть понятным». В начале 1930-х он отбил у Генриха Нейгауза жену Зинаиду и не перестал дружить с Гарриком.

Переписка с Мариной прекратилась. Она, Марина, сказала: «Пусть будет последним моё». Пастернак обо всех сказал: «Исходные положения нерушимы. Нас поставило рядом. В том, чем мы проживём, в чём умрём и в чём останемся».

В который раз он начинает роман в прозе с летописным названием «Повесть».

Не мелочь — он с сынишкой спас галчонка и пишет:

*Рослый стрелок, осторожный
охотник,
Призрак с ружьём на разливе души!
Не добирай меня сотым до сотни,
Чувству на корм по частям
не кроши...*

Через столько лет отозвался ивакинский выстрел, и он сам был птицей, за которой следит ствол. Борис Леонидович чего боялся — не успеет перевести «Гамлета», это нужно было не только ему. Работал в Переделкино за секретером Пильняка — расстрелянного друга.

Эфроны вернулись в Россию. Сергей и Аля арестованы. Ахматова: «Я пью за разорённый дом...» Марине предписано «жить в строжайшем инкогнито»,

но Борис встречается с ней. Весной 1939-го Бориса Пастернака обошли орденом. Зина огорчилась, а он доволен: значит, наверху заметили, что он не подписывал коллективных писем о казнях. Сто семьдесят два писателя награждены, а он — нет. «Не добирай меня сотым до сотни...» Он не попал даже во вторую сотню!

Война. Слух о смерти Цветаевой дошёл до Москвы — «Это никогда не протитится мне»:

*Что сделать мне тебе в угоду?
Дай как-нибудь об этом весть...*

А в семье тоже беды — Адик умирает. Гаррик Нейгауз арестован, потому что немец.

В Чистополе он переводит Шекспира — «Ромео и Джульетта»: «Надо ставить себе задачу выше своих сил, во-первых, потому что их всё равно никогда не знаешь, а во-вторых, потому что силы и появляются по мере выполнения кажущейся недостижимой задачи».

Надо ехать на фронт: «Это мне во всех отношениях пригодится и укрепит моё положение». Заказную оборонную пьесу Пастернак назвал «Этот свет». Писал её на узких полосках — Литфонд выдал по полкилограмма такой бумаги. Фадеев не советует продолжать пьесу. Это — неразрешённая литература.

*Люблю вас, далёкие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и листанней,
Тем прелесть её задушевной...
Россия волшебною книгою
Как бы на серёдке раскрыта...
Книгой, раскрытой посреди России,
станет Юрятин-Пермь.*

А «Смерть сапёра» — это о себе: *К проделанной покойным просеке
Шагнула армия прорыва.
Жить и сгорать у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь
обесмертишь,
Когда ей к свету и величию
Своею жертвой путь прочертишь.*

Борис Леонидович понимает — надо совершить невозможное: «Этому я посвящаю остаток своих дней».